

ОПИСАНИЕ И ДОКУМЕНТИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВ

Индекс УДК 811.51, 811.55
Код ГРНТИ 16.41.25, 16.41.61
DOI: 10.22204/2587-8956-2025-122-03-54-69

В.Ю. ГУСЕВ*

Числительные второго десятка в языках Сибири

В статье рассматриваются модели образования числительных второго десятка (с 11 до 19) в языках Сибири. «Простая» модель, в которой эти числительные образуются соположением слова 'десять' и количества единиц («десять один», «десять два» и т.д.), характерна для языков юга Сибири, но проникает также на север восточнее Енисея и на восток Якутии. Вторая модель, включающая слово типа 'излишек', распространена в северной части Сибири, от западных до восточных её границ. Остальные модели представлены небольшим количеством языков каждая: это локативная («на десяти один»), аблативная («от десяти один»), комитативная («с десятью один») и их комбинации со словом 'излишек', а также конструкции типа «второго десятка один» и «к двадцати один». Последняя модель находит соответствия в языке древних орхоно-енисейских памятников.

Ключевые слова: языки Сибири, числительные, ареальная лингвистика

1. Вводные замечания

Системы числительных обычно строятся на небольшом количестве терминов для малых чисел, основании системы счисления (например, в десятичных системах счисления основание — это 10), произведении и степенях основания.

В общем и целом простыми («atomic», по терминологии, предложенной в [1]), т.е. на синхронном уровне непроеводными,

обычно бывают названия чисел от единицы до основания (в десятичной системе — от 1 до 10). Термины для произведений и степеней основания также могут быть непроеводны (как русские *сорок*, *сто*, *тысяча*) либо образованы нерегулярным образом (как русские названия десятков и сотен *двадцать*, *пятьдесят*, *двести*, *триста* и т.д.). Нерегулярность означает, что производность термина видна носи-

* **Гусев Валентин Юрьевич** — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора типологии Института языкознания РАН.
E-mail: valentin.gusev@iling-ran.ru

телю языка, но форма термина непредсказуема и должна заучиваться наизусть: так, в русском языке нет правила, которое позволило бы образовать из числительных *два*, *десять* и *сто* слова *двадцать* и *двести*. Напротив, названия больших некруглых чисел образуются по регулярным правилам из соответствующих производных числа-основания и простых числительных (например, *сто двадцать два*).

Вполне естественно, что непроеизводными и нерегулярными оказываются названия чисел первого разряда (первого десятка в десятичных системах), поскольку их просто не из чего образовывать, и не очень больших «круглых» чисел, т.е. производных основания, потому что они часто употребляются. Также естественно, что название произвольного большого числа должно строиться по регулярным правилам, потому что таких чисел слишком много и каждое из них по отдельности употребляется весьма редко, чтобы заучивать его название наизусть.

Таковы тенденции, ясно наблюдаемые в системах числительных языков мира (см. подробнее о типологии систем числительных, например, [2] и указанные там работы). Разумеется, бывают и неожиданные исключения, как русское *сорок*, совершенно не имеющее внутренней формы, хотя *двадцать* и *тридцать* её имеют. Также имеет место большое межъязыковое варьирование: например, в славянских языках названия сотен нерегулярны (*двести*, *триста*, *четыреста* и т.д.), а в большинстве романских и германских языков регулярны; но нерегулярные названия тысяч, если где-то и существуют, то, очевидно, очень редки. Во многих языках Сибири нерегулярными, но всё же производными оказываются названия для 8 и 9, при этом нерегулярность их такова, что даже этимологическому анализу они во многих случаях не поддаются.

Названия чисел второго десятка (т.е. 11–19) в системах, основанных на десятичном счислении, представляют собой интересный объект для сравнения, поскольку они занимают промежуточное положение

между терминами первого десятка и названиями для более крупных чисел. С одной стороны, они могут быть образованы способом, аналогичным числам следующих десятков («11» из «10» и «1» как «21» из «20» и «1» и т.д.). С другой стороны, они достаточно часто встречаются, чтобы их названия запоминались наизусть. Сравним приведённые ниже числительные турецкого, русского, английского и французского языков (табл. 1; для сравнения в каждом языке приводятся числительные '21' и '22').

Как видно, в турецком языке названия чисел от 11 до 19 полностью регулярны и строятся по той же модели, что числа остальных десятков. В русском языке они имеют явную внутреннюю структуру «часть, похожая на соответствующее числительное первого десятка + *на* + *дцать*», но эта структура не выводится никакими синхронными правилами русского языка. В английском языке в числительных '11' и '12' не прослеживается никакая внутренняя структура (хотя *twelve* имеет тот же первый звук, что *two*, а в письменном виде – даже две первые буквы); числительные от 13 до 19 строятся в общем и целом по модели «числительное первого десятка + *teen*», где *teen* напоминает *ten* '10'. Наконец, во французском числительные от 11 до 16 имеют первую часть, похожую на числительные первого десятка максимум двумя-тремя первыми звуками, и вторую часть *-ze*, не похожую ни на что; зато числа от 17 до 19 называются по той же регулярной модели, что числа следующих десятков.

При всём разнообразии представленных моделей, которое можно дополнить данными многих других языков, мы можем видеть, что чем меньше число, тем большую степень нерегулярности оно склонно иметь в своём названии. При этом границу разные языки могут проводить в разном месте: английский между 12 и 13, французский – между 16 и 17, а, к примеру, испанский язык имеет систему, сходную с французской, но граница между двумя моделями проходит в нём между 15 и 16.

Таблица 1

**Числительные второго десятка в турецком, русском,
английском и французском языках**

Числительные	Языки			
	турецкий	русский	английский	французский
10	on	десять	ten	dix
11	on bir	одиннадцать	eleven	onze
12	on iki	двенадцать	twelve	douze
13	on üç	тринадцать	thirteen	treize
14	on dört	четыренадцать	fourteen	quatorze
15	on beş	пятнадцать	fifteen	quinze
16	on altı	шестнадцать	sixteen	seize
17	on yedi	семнадцать	seventeen	dix-sept
18	on sekiz	восемнадцать	eighteen	dix-huit
19	on dokuz	девятнадцать	nineteen	dix-neuf
20	yirmi	двадцать	twenty	vingt
21	yirmi bir	двадцать один	twenty-one	vingt-et-un
22	yirmi iki	двадцать два	twenty-two	vingt-deux

Данная статья посвящена числительным второго десятка в языках Сибири и российского Дальнего Востока. Все эти языки имеют десятичную систему счисления, хотя на крайнем Северо-Востоке, в юкагирском и чукотско-камчатских языках, есть очевидные следы пятиричной системы.

Неожиданной особенностью этого ареала является разнообразие способов образования числительных второго десятка даже в близких диалектах, а иногда и внутри одного диалекта; однако всё это разнообразие можно разделить на несколько типов. К первому типу относится «простой» способ образования этих числительных соположением слов '10' и нужного числительного первого десятка; этот способ был продемонстрирован выше на примере турецкого языка. Остальные типы можно назвать «сложными», поскольку они используют какой-то способ соединения этих частей, например, морфемы со значением 'над', 'излишек' и др. Существует также относительно редкий тип, в котором при обра-

зовании числительных от 11 до 19 отсчёт идёт не от десяти, а от двадцати¹.

Эти типы будут последовательно рассмотрены в следующих разделах.

2. «Простой» тип

Рассмотрим сначала идиомы, где представлена простая система. Географически они занимают, прежде всего, юг Сибири. Это бурятский язык и тюркские языки: алтайский, хакасский, телеутский, тувинский, а также литературный якутский язык (в диалектах якутского языка используется другая система, см. ниже).

(1) бурятский [3, с. 128]

<i>арбан</i>	<i>нэгэн</i>	<i>арбан</i>	<i>хоёр</i>
10	1	10	2
'одиннадцать'		'двенадцать'	

(2) хакасский [4, с. 412]

<i>он</i>	<i>nir</i>	<i>он</i>	<i>iki</i>
10	1	10	2
'одиннадцать'		'двенадцать'	

¹ Во многих языках Сибири числительные 18 и 19 образуются вычитанием из 20; эти случаи мы здесь полностью оставляем в стороне.

(3) литературный якутский язык [5, с. 175, 177]

<i>уон</i>	<i>икки</i>	<i>уон</i>	<i>абыс</i>
10	2	10	8
‘двенадцать’		‘восемнадцать’	

В Западной Сибири простой тип образования числительных второго десятка представлен в камасинском и маторском языках (самодийская группа уральских языков) и, вероятно, в некоторых южно-енисейских языках, например аринском; проблема с южноенисейскими языками состоит в том, что они, кроме коттского, исчезли ещё в XVIII в., и анализ данных по ним в некоторых отношениях затруднителен:

(4) камасинский [6: PKZ_1964_SU0204. PKZ.159]

<i>b'eʔ</i>	<i>oŋiʔ</i>	<i>b'eʔ</i>	<i>šide</i>
10	1	10	2
‘одиннадцать’		‘двенадцать’	

(5) аринский [7, с. 129]

<i>koa-кyca</i>	<i>koa-кина</i>
10–1	10–2
‘одиннадцать’	‘двенадцать’

Этот же тип представлен в тунгусо-маньчжурских языках Амура: в нанийской (нанайском, ульчском, орокском, уильтинском) и удэгейско-орочской группах:

(6) нанайский [8, с. 233]

<i>дэан</i>	<i>эмун</i>	<i>дэан</i>	<i>дюзр</i>
10	1	10	2
‘одиннадцать’		‘двенадцать’	

(7) уильтинский (орокский) [9, с. 219]

<i>зон</i>	<i>дү</i>	<i>зон</i>	<i>илā(н)</i>
10	2	10	3
‘двенадцать’		‘тринадцать’	

(8) удэгейский [10, с. 91]

<i>зā-омо</i>	<i>зā-зү</i>
10–1	10–2
‘одиннадцать’	‘двенадцать’

В северной группе тунгусо-маньчжурских языков оба диалекта (верховской и низовской) негидальского языка также имеют простой тип:

(9) низовской негидальский [11, с. 22]

<i>жāн</i>	<i>омон</i>	<i>жāн</i>	<i>жүл</i>
10	1	10	3
‘одиннадцать’		‘двенадцать’	

(10) верховской негидальский [12, с. 294]

<i>джан</i>	<i>этән</i>	<i>джан</i>	<i>джу:л</i>
10	1	10	2
‘одиннадцать’		‘двенадцать’	

Эвенские и эвенкийские же диалекты представляют в этом отношении очень пёструю картину. Таблица 2 воспроизводит в сокращённом виде таблицу из «Очерков диалектов эвенкийского языка» Г.М. Василевич, которая закладывает способ образования числительных второго десятка, наряду с рефлексам звуков *s (*s ~ h ~ š*) в начале и в середине слова, в основу своей классификации диалектов [13, с. 12].

Реальная картина, однако, намного более пёстрая. В таблице 3 приводятся способы образования числительных второго десятка на примере числительного ‘12’ в разных диалектах эвенкийского языка по данным той же книги, а также работ Н.Я. Булатовой [14, 15] (элементы в скобках могут опускаться; примеры даются в орфографии источника; прочерк означает, что по соответствующим диалектам данных нет).

Как видно, распределение моделей числительных второго десятка по говорам очень сложное; во многих говорах разные

Таблица 2

Критерии разграничения эвенкийских диалектов по Г.М. Василевич

Северная диалектная группа	Южная диалектная группа		Восточная диалектная группа	Значение
	свистящая	шипящая		
<i>hā-</i>	<i>cā-</i>	<i>шā-</i>	<i>cā-</i>	‘знать’
<i>ahū</i>	<i>aci</i>	<i>aii</i>	<i>ahū</i>	‘женщина’
<i>ǰ'ān-дук ǰ'ūr</i>	<i>ǰ'ān ǰ'ūr</i>	<i>ǰ'ūr-ǰ'ā-лэкэ</i>	<i>ǰ'ān ǰ'ūr</i> , <i>ǰ'ān-дук ǰ'ūr</i>	‘12’

Таблица 3

Образование числительных второго десятка в диалектах эвенкийского языка

Диалект	Говор(ы)	Пример числительного	Структура числительного	Источник
с	илимпийский	<i>ǰ'ān-дук ǰ'ūr</i>	10-AVL 2	[13, с. 14, 167]
с	ербогоченский	<i>ǰ'ān ǰ'ūr</i>	10 2	[13, с. 14, 189]
юс	подкаменно- тунгусский	<i>ǰ'ūr-ǰ'ā-лэкэ ~</i> <i>ǰ'ūr-ǰ'ā-лэки</i> (основной вариант) <i>ǰ'ūr-ǰ'ā</i> (р-н с. Сталино, совр. Ошарово) <i>ǰ'ūr-ǰ'ā-кин ǰ'ūr</i> (р-н села Баякит; совр. Байкит)	2-10-лишний 2-10 ¹ 2-10-к 2	[13, с. 15, 121–122]
юс	непский	<i>ǰ'ān ǰ'ūr</i> <i>ǰ'ūr-ǰ'и (hэлэкэ)</i> <i>ǰ'ān ǰ'ūr-ǰ'и</i>	10 2 2-INSTR (лишний) 10 2-INSTR	[13, с. 15, 144]
юс	баунтовско-талочский	<i>ǰ'ān ǰ'ūr</i>	10 2	[13, с. 15]
юш	сымский	<i>ǰ'ūr-ǰ'ā-лэки</i>	2-10-лишний	[13, с. 14, 71]
юш	токминско- верхоленский	<i>ǰ'ūr-ǰ'ā-лэкэ</i>	2-10-лишний	[13, с. 14, 97]
юш	северо-байкальский	<i>ǰ'ān ǰ'ūr</i>	10 2	[13, с. 14]
в	учурско-зейские	<i>ǰ'ān ǰ'ūr</i>	10 2	[13, с. 266]
в	кур-урмийский	—		
в	тунгирский	—		
в	чульманско-гиллойские говоры	<i>ǰ'ān-дук ǰ'ūr</i>	10-AVL 2	[13, с. 240]
в	амурский (селемджинский)	<i>ǰ'ān ǰ'ūr</i>	10 2	[14, с. 42]
в	амурский (зейский)	<i>ǰ'ān ǰ'ūr</i>	10 2	[14, с. 42]
в	амурский (джелтулакский)	<i>ǰ'ān-дук ǰ'ūr</i>	10-AVL 2	[14, с. 42]
в	сахалинский	<i>дян дюр</i>	10 2	[15, с. 24]

¹ Необычность этой формы состоит в порядке её составляющих: не «десять-два», как обычно, а «два-десять». Неясно, как в этих идиомах отличаются «двенадцать» от «двадцать», «тринадцать» от «тридцать» и т.д.

способы сосуществуют¹. Распространение простого типа в эвенкийских говорах на самом деле не соответствует принятому их делению на северные, южные и восточные (которое опирается на развитие согласного *s в начале и середине слова, см. табл. 1): так, ербогоченский говор относится к северному диалекту, а сымский, имеющий «сложную» систему, — напротив, к южному. Однако в целом можно заметить, что простой способ охватывает географически более южные говоры к востоку от Байкала, а также образует «язык», уходящий к северу приблизительно в районе верхнего течения Подкаменной Тунгуски (ербогоченский и частично непский говоры).

В эвенском языке способы образования числительных второго десятка также сложным образом распределены по диалектам²; например, В.А. Лебедев, описывая один только момский говор, перечисляет четыре способа [17, с. 58]. Многообразие для эвенского языка в целом отмечают и Л.Д. Ришес и В.И. Цинциус [18, с. 723], но в качестве литературной нормы они утверждают простую систему:

(11) эвенский

<i>мён-умэн</i>	<i>мён-дюр</i>
10–1	10–2
‘одиннадцать’	‘двенадцать’

Эта же модель используется, наряду с локативной (см. раздел 3), в тундровом юкагирском языке [19, с. 37–38]:

(12) тундровый юкагирский

<i>куниль</i>	<i>маарха-дъэн</i>	<i>куниль</i>	<i>маарха-бури-дъэн</i>
10	1-раз	10	1-на-раз
‘одиннадцать раз’			

Наконец, простая модель образования числительных второго десятка составляет небольшой анклав на Таймыре, присутствуя в нганасанском, тундровом энецком и таймырском говоре тундрового ненецкого языка³:

(13) нганасанский

<i>biiʔ</i>	<i>ɲuʔəiʔ</i>	<i>biiʔ</i>	<i>šiti</i>
10	1	10	2
‘одиннадцать’		‘двенадцать’	

(14) тундровый энецкий [20, с. 813]

<i>biuʔ</i>	<i>ʃize</i>
10	2
‘двенадцать’	

Таким образом, «простой» тип присутствует на всём юге Сибири, имея там очевидно ареальную природу, пересекая границы языковых семей и даже диалектов отдельных языков. За границами Сибири в этот же ареал входят другие тюркские, китайский, маньчжурский, японский языки. Единственный язык в этом регионе, не поддавшийся распространению «простого» типа, — это нивхский (см. о нём в разделе 5.3).

С другой стороны, помимо юга Сибири, эта модель заходит на север восточнее Енисея, в непский и ербогоченский говоры эвенкийского языка, а также возникает в небольшом ареале в самой северной части Сибири, на Таймыре: в нганасанском, тундровом энецком и таймырском говоре ненецкого языка.

3. Локативная и комитативная модели

Различные варианты «сложного типа», напротив, занимают северную часть Сибири. Как было сказано, этот тип отличается от «простого» тем, что использует какой-то

¹ Доступные сегодня материалы показывают, что это распределение было ещё сложнее, чем показано в таблице; так, по данным корпуса [16], сымский диалект активно использовал конструкцию с полным *hələkə*, но с опущением слова для десяти, см. примеры (20).

² Подробное описание распределения моделей образования числительных второго десятка на всей территории эвенкийских и эвенских говоров выходит за рамки настоящей работы и требует отдельного исследования.

³ Мы признательны М.К. Амелиной за тундровые ненецкие данные.

способ связи 'десяти' и того, что к десяти прибавляется. Показатели этой связи могут быть нескольких типов: локативного (конструкции типа «на десяти один»), аблативного («от десяти один»), комитативного («с десятию один»); с помощью единиц со значением типа 'излишек, добавление'; или какие-либо другие. Эти показатели будут последовательно рассмотрены в этом и следующих разделах.

Мы уже видели примеры локативного типа в некоторых эвенкийских говорах, например илимпийском или чульманско-гилюйских: *ǰ'ān-дук ǰ'ūr*, букв. 'от десяти два'; тот же способ используется в южной части охотского говора эвенского языка: *дьаан-дук умэн* [21, с. 55]. В том же охотском и в других эвенских говорах в качестве одного из вариантов может использоваться метафора не движения от десяти, а нахождения поверх десяти:

(15) охотский эвенский [там же]

<i>меен</i>	<i>ой-ду-н</i>	<i>өмэн</i>
10	верх-DAT-3SG	один
	'одиннадцать'	

Этот же способ является единственным в расположенном рядом с упомянутыми выше эвенскими диалектами лесном юкагирском языке, с той лишь разницей, что в нём не единицы находятся поверх десяти, а, наоборот, десять поверх единиц:

(16) колымский юкагирский [22, с. 261], ср. с тундровым юкагирским [23, с. 45]

<i>kuñil-jāl-budie</i>
10-3-на
'тринадцать'

В тундровом юкагирском языке аналогичные конструкции возможны наряду с простой моделью, см. пример (12).

Возможно, аналогичным образом были устроены числительные в коттском языке, где элемент *-l*, добавляющийся к слову *ha:ga* 'десять', можно сравнить с показателем местного падежа у послелогов [24, с. 81–82, 85, 108]:

(17) коттский

<i>ha:ga-l</i>	<i>hu:ča</i>	<i>ha:ga-l</i>	<i>i:na</i>
10-LOC	1	10-LOC	2
'одиннадцать'		'двенадцать'	
<i>eča:</i>	<i>eča:-l</i>	<i>eča:-l-caŋ</i>	
верх	верх-LOC	верх-LOC-ABL	
'вверх'	'вверху'	'сверху'	

В мансийском в качестве одного из способов используется послелог *turum* (с вариантами) [25, с. 631–632]¹:

(18) мансийский

<i>lu-turum-u:χ</i>	<i>lu-turum-kit'</i>
10-на-1	10-на-2
'одиннадцать'	'двенадцать'

Третий возможный вариант локативного типа — движение, т.е. добавление, к десяти представлен в севернохантыйском и в мансийском языках. В северном хантыйском используется соединительный элемент *-xoś-*, который восходит к послелогу *xośa* 'к' [26, с. 19]²:

(19) северный хантыйский

<i>we:t-xoś-ja:ŋ</i>
5-к-10
'пятнадцать'

¹ Правда, в цитируемом словаре указывается, что в форме *turum* и т.п. этот послелог используется только в числительных, а во всех остальных случаях он выглядит как *tarm*, *temër* и т.п. Причины такого варьирования и аргументы в пользу отождествления этих двух слов не указаны. Другой способ образования числительных с 11 до 19 в мансийском языке см. в примере (39).

² Порядок, при котором не единицы прибавляются к десяти, а, наоборот, десять к единицам («десять на пять» в данном примере), что противоречит и универсалии, сформулированной Дж. Гринбергом [1, с. 265], заставляет Л. Хонти [27, с. 169–170] искать иную этимологию для элемента *xoś*, связывая его с глаголом 'лежать', аналогично мансийским формам в примере (39). Однако мы видели, что такой порядок возможен и в юкагирском (см. примеры (12), (16)).

В непском говоре эвенкийского языка представлен, наряду с другими, комитативный тип: *ǰ'ān ǰ'ūr-ǰ'и* '10 2-INSTR', букв 'десять с двумя' (см. табл. 2).

4. Тип «излишек»

Этот способ образования числительных второго десятка (иногда и последующих десятков) широко распространён в Сибири. Он представлен, например, в некоторых эвенкийских говорах (см. табл. 2), где используется слово *hələkə* (как в непском говоре), иногда в сокращённом виде *-ləkə* (например, в сымском или подкаменно-тунгусском). Корпусные данные [16] показывают, что слово для '10' в такой конструкции может быть и опущено, ср. пример из сымского диалекта¹:

(20) сымский эвенкийский

<i>D'ur</i>	<i>d'aləkə</i>	<i>anyani-wa</i>
два	излишек	год-ACC
<i>ajna-d'ə-ri-l-wi</i>		
помочь-IPFV-PTCP.PRS-PL-RFL.SG		
<i>bu-də</i>		
die-AOR.[3PL]		
'[За] двенадцать лет тринадцать человек, которым я помогал, умерли' [NNR3_1913_ShamanDiseases_nar.008].		

<i>Krup-čatka</i>	<i>kul</i>	<i>tunya</i>	<i>hələkə</i>	<i>hol-kowij,</i>	<i>il-i-tin</i>	<i>sort-il.</i>
крупчатка	куль	пять	излишек	целковый	три-ORD-3PL	сорт-PL
'Куль белой муки [стоит] пятнадцать рублей, третий сорт' [NNR3_1913_HuntingTradePrices_nar.040].						

Также этот способ (с синтаксическими вариациями) имеется в эвенском:

(21) момский эвенский [17, с. 58–59]

<i>миан</i>	<i>өмынь</i>	<i>хулык</i>	<i>миан</i>	<i>ху-лык-ын</i>	(> <i>ми-алху-өмын кун</i>)
10	1	излишек	10	излишек-3SG	1
'одиннадцать'					

Эта же модель используется в чукотско-корякских языках (данных об ительменском языке у нас нет, потому что в нём известны только термины для единиц и десятков):

(22) чукотский [28, с. 302]²

<i>tənyətken</i>	<i>əppen</i>	<i>parol</i>
10	1	излишек
'одиннадцать'		

(23) корякский [29, с. 68]

<i>мынгыткэн</i>	<i>ыннэн</i>	<i>гапатол</i>
10	1	излишек
'одиннадцать'		

В алюторском языке система, очевидно, перестраивается: элемент *ɣapatula* 'излишек' почти вышел из употребления, зато слово для десяти в составных числительных имеет суффикс *-k*, совпадающий с показателем местного падежа [30, с. 79]; таким образом, модель образования числительных второго десятка переходит в «локативный» тип.

Тот же тип присутствует в айнском [31, с. 95–96] и в алеутском [32, с. 65]:

(24) айнский:

<i>shine</i>	<i>ikashima</i>	<i>wa(n)</i>	<i>tu</i>	<i>ikashima</i>	<i>wa(n)</i>
1	излишек	10	2	излишек	10
'одиннадцать'			'двенадцать'		

¹ Собственно, все числительные, которые находятся в упомянутом эвенкийском корпусе со словом *hələkə*, не содержат слова для десяти.

² В чукотском языке для пятнадцати используется непроизводная форма, таким образом данная модель используется для числительных от 11 до 14 и от 16 до 19.

Аналогичный способ используется в «народном разговорном» якутском [5, с. 185] и в долганском языке; он был засвидетельствован и в языке орхоно-енисейских памятников [33, с. 39].

(25) долганский [34, с. 136]

<i>уон</i>	<i>ордуг-а</i>	<i>бишр</i>
10	излишек-3SG	один
‘одиннадцать’		

И ту же модель мы видим в кетском и югском, селькупском и восточнохантыйском:

(26) кетский [35, s.v.]

<i>inam-əkam-qō</i>
2-излишек-10
‘двенадцать’

(27) селькупский [36, с. 285]

<i>šitty-kəl'-kōt</i>
2-излишек-10
‘двенадцать’

(28) восточный хантыйский [37, с. 185–186]

<i>jōŋ-ərki</i>	<i>kātkan</i>
10-излишек	2
‘двенадцать’	

В казымском (северном) диалекте хантыйского языка в аналогичной функции в старых источниках было зафиксировано заимствование из коми *mōltas* с тем же значением:

(29) казымский хантыйский [38, с. 925]

<i>labūt</i>	<i>moltas</i>	<i>jang,</i>	<i>янг-молтас</i>	<i>л'абыт</i>
7	излишек	10	10-излишек	7
‘семнадцать’				

Конечно, «излишек» — это условный русский перевод; ниже приводятся не-

сколько примеров из упомянутых выше языков, чтобы показать, как используется это слово за пределами составных числительных:

(30) селькупский [39, с. 39]

<i>Тōџылты-мпа-ты,</i>	<i>тōџылты-мпа-ты</i>	<i>и</i>	<i>манны-мпа-ты</i>
считать-PRAET-3SG.O	считать-PRAET-3SG.O	и	увидеть-PRAET-3SG.O
<i>уккыр</i>	<i>џишџая</i>	<i>кџ</i>	<i>э-џа-ны.</i>
один	звезда	лишний	быть-PRAES-3SG.LATENT
‘Посчитал, посчитал и увидел – одна звёздочка лишняя’.			

(31) якутский [40]

<i>ордугун</i>	<i>эн</i>	<i>ылаар</i>
остаток-ACC.3SG	ты	взять-IMP.FUT
‘остаток этого возьмёшь ты’		
<i>сыл-тан</i>	<i>ордук</i>	
год-ABL	излишек	
‘больше года’		

(32) айнский [31, с. 165]

<i>mungi</i>	<i>a-hok</i>	<i>wa</i>	<i>ikashima</i>	<i>ichen</i>
мука	PASS-купить	из	излишек	деньги
‘деньги, которые остались после покупки муки’				

(33) эвенкийский [16]

<i>Awerin-du</i>	<i>olo</i>	<i>bi-ži</i>	<i>da</i>	<i>uwi:</i>	<i>harus,</i>
Аверина-DAT	рыба	быть-AOR	но	мало	хариус
<i>pejača,</i>	<i>n'akəčan,</i>	<i>gudkan,</i>	<i>hələkə</i>	<i>ačīn.</i>	
сорога	окунь	щука	излишек	нет	
‘В Авериной [реке] рыба есть, но мало: хариус, сорожка, окунь, щука, больше нет’ [NNR4_191X_OnSocharaRiver_nar.017].					

В следующем эвенском примере виден корень глагола ‘быть дополнительным,

быть сверх чего-то', от которого образовано существительное *huləkə/hələkə* в эвенском и эвенкийском языках:

(34) эвенский [41]

<i>digen</i>	<i>mia-r-duk</i>	<i>hul-tse:ji-n</i> ,
четыре	десять-PL-ABL	быть. лишним- PRAES-3SG
<i>ta-la</i>	<i>noŋan</i>	<i>gurgeβtei- deje-n</i>
тот-LOC	он	работать- REM.PT-3SG

‘...наверное, более сорока [лет] там он работает’ [Krivoshapkina_EA_reindeerherd: 005].

Возможно, к классу «излишка» следует отнести и ненецкие (в лесном ненецком, в ямальском и большеземельском диалектах тундрового ненецкого, а также в засвидетельствованном только в XVIII в. юрацком) конструкции со словом *яңня* (тундровый), *дяңня* (лесной), *јага* (юрацкий) — причастием или существительным от глагола со значением ‘быть отдельным’, ‘быть непохожим’, ‘отличаться’:

(35) тундровый ненецкий [42, с. 217–219] (см. о лесном ненецком [43, с. 66], о юрацком [44, с. 55])

<i>ноб"</i>	<i>яңгә-ня</i>
1	быть.отдельным- PT.PRAES

‘одиннадцать’

Собственное значение этого глагола — именно в идее отделения, разъединения, поэтому, возможно, он представляет собой несколько иную метафору, чем «излишек» (глагол с таким значением в ненецком языке тоже есть и также используется в числительных, см. пример (36) ниже).

Две описанные выше модели — «падежная» и со словом «излишек» — не исключают друг друга; во многих языках они могут комбинироваться:

(36) ямальский тундровый ненецкий [42, с. 217–219]

<i>юкад</i>	<i>в́та</i>	<i>ноб"</i>	<i>юкад</i>	<i>яңгәня</i>	<i>ноб"</i>
10-ABL	лишний	1	10-ABL	отдельный	1

‘одиннадцать’

(37) лесной энецкий [20, с. 813]

<i>(biu-koz)</i>	<i>ʃize</i>	<i>(bəza-de)</i>
10-ABL	два	быть.лишний- PT.PRAES

‘двенадцать’

Сочетание «излишка» с инструменталисом используется в непском диалекте эвенкийского языка: *ʒ̣ʊp-ʒ̣i* (*һэлэкэ*) (см. табл. 2).

5. Иные способы

В этом подразделе мы перечислим иные модели образования числительных второго десятка, не вписывающиеся ни в один из рассмотренных выше больших типов.

5.1. В ямальском диалекте тундрового ненецкого языка [42, с. 217–218] и в иртышском (южном) диалекте хантыйского языка [45, с. 49] используется модель «другого/второго десятка X»:

(38) тундровый ненецкий (ямальский диалект)

<i>няби</i>	<i>ют-ё</i>	<i>ноб"</i>
другой	10-3SG	один

‘одиннадцать’

(39) хантыйский (иртышский диалект)

<i>kimət</i>	<i>joŋ</i>	<i>nitə</i>
второй	10	8

‘восемнадцать’

5.2. В мансийском языке, наряду с «локативной» моделью, единицы и десятки могут соединяться с помощью морфемы *хуйпу*, которую принято трактовать как причастие на *-n* от основы *хуй(у)* — ‘лежать’ [46, с. 105; 47, с. 36]:

(40) мансийский

акв-хуйту-лов

1-лежащий-10

‘одиннадцать’

5.3. В нивхском языке после десятков и единиц следует элемент *-урк*, который В.Д. Панфилов [48, с. 187–190] связывает с глаголом *й-ур-д’* ‘следовать по чему-либо, за кем-либо’ (где *-к* — показатель изъявительного наклонения):

(41) нивхский (в примере приводится форма для счёта людей)

мхо

н’и-н-урк

н’ивх

10

1-людей-следующий

человек

‘11 человек’

5.4. Некоторые идиомы используют отсчёт не от предыдущего, а от следующего круглого числа, т.е. в случае чисел второго десятка — от двадцати. Такая система, наряду с другими, есть в ямальском диалекте тундрового ненецкого языка и в подкаменно-тунгусском диалекте эвенкийского языка:

(42) ямальский тундровый ненецкий [42, с. 219]

сиди

юд-’

ня-’

нгоб”

два

десять-GEN

около-LAT

один

‘одиннадцать’, букв. «к двадцати один»

(43) эвенкийский (подкаменно-тунгусский диалект) [13, с. 121–122]

ǰ’ǰр-ǰ’ā-кин

ǰ’ǰр

излишек

2

‘двенадцать’

Насколько известно, такая система существовала в языке орхоно-енисейских надписей [33, с. 38–39], а до нашего вре-

мени сохранилась в сарыг-уйгурском языке [49; 50, с. 21–22]

Заключение

Числительные второго десятка в силу ряда причин оказались удобным инструментом для изучения истории взаимодействия языков Сибири. Наличие разных моделей, которые легко поддаются копированию, даёт возможность проследить древние контакты между идиомами, которые сегодня, возможно, уже не соседствуют друг с другом. Удачным образом русские числительные с 11 до 19, наоборот, морфологически непрозрачны, что позволяет исключить недавнее влияние со стороны русского языка.

Как видно из представленных данных, простая модель образования этих числительных, в которой единицы просто следуют за словом для десятка без каких-либо соединительных элементов, очевидно, распространяется с юга: она представлена в бурятском языке, тюркских языках Сибири, в южных енисейских языках и в саяно-самодийских, в тунгусо-маньчжурских языках Амура и Сахалина. Ареал этой модели распространяется и за южные границы Сибири: она же используется в других монгольских и тюркских языках, в китайском, корейском, японском. Однако она проникает и на Север: во-первых, в эвенкийские говоры восточнее Енисея и на Таймыре, и во-вторых, в якутские и в некоторые эвенские говоры Якутии. Очевидно, во втором случае её распространение связано с якутским языком, который относительно недавно пришёл с юга. Первый случай менее очевиден, но можно предположить, что распространение простой модели на Таймыре (нганасанский, тундровый энецкий, таймырский ненецкий языки) — это продолжение того же ареала, который включает непские и ербогоченские говоры эвенкийского языка, но по какой-то причине был разорван илимпийским диалектом¹.

¹ Впрочем, нельзя исключать и независимое возникновение этой модели, см.: [54, с. 400] о центральноаляскинском юпике.

Вторая «крупная» модель образования числительных первого десятка — это конструкции со словом, означающим «излишек», «то, что сверх». Она распространена практически сплошной полосой от хантыйских диалектов на западе до алеутского и айнского языков на востоке и продолжается на Аляске (ср. [51, с. 400]).

Остальные модели представлены небольшими островками; это локативная («на десяти один» на северо-востоке и в Западной Сибири), аблативная («от десяти один» в некоторых эвенкийских говорах), комитативная («с десятью один», некоторые эвенкийские и эвенские говоры) конструкции, а также модели типа «второго десятка один» (некоторые тундрово-ненецкие и хантыйские идиомы) и «к двадцати один» (в некоторых разновидностях тундрового ненецкого и эвенкийского языка); последняя модель имеет параллели

ли в языке тюркских орхоно-енисейских памятников.

Хотя одной из задач этой статьи было проследить ареальное распределение различных моделей числительных второго десятка, за её пределами остались детали географического распространения отдельных моделей в таких языках, как эвенкийский, эвенский, тундровый ненецкий или хантыйский: в опубликованных описаниях это распространение зачастую изложено приблизительно и выяснение этих деталей требует отдельного исследования.

Также в настоящей статье совсем не рассматривались способы образования числительных третьего (с 21 до 29) и дальнейших десятков. В целом эти числительные либо повторяют модели второго десятка, либо устроены проще, т.е. используют «простую» конструкцию, притом что во втором десятке используется одна из «сложных»¹.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ABL — аблатив; ACC — винительный падеж; AOR — аорист; DAT — датив; FUT — будущее время; GEN — генитив; IMP — императив; INSTR — инструменталис; LAT — латив; LATENT — латентив; LOC — локатив; O — объектное спряжение; PASS — пассив; PL — множественное число; PRAES — настоящее время; PRAET — прошедшее время; PT — причастие; REM — отдалённое прошедшее время; SG — единственное число

ЛИТЕРАТУРА

1. Greenberg J. Generalizations about Numeral Systems // Universals of Human Language III: Word Structure, ed. by J. Greenberg et al. Stanford (CA), Stanford University Press. 1978. Pp. 249–295.
2. Comrie B. The Arithmetic of Natural Language: Toward a typology of numeral systems // Macrolinguistics. 2022. Vol. 10, № 1 (Serial № 16) Pp. 1–35. DOI: 10.26478/ja2022.10.16.1.
3. Грамматика бурятского языка: Фонетика и морфология. М.: Изд-во восточной литературы, 1962.
4. Баскаков Н.А., Инкижекова-Трекул А.И. Хакасско-русский словарь. С прил. очерка «Хакасский язык». М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1953.
5. Грамматика современного якутского литературного языка: Фонетика и морфология / Л.Н. Харитонов, Н.Д. Дьячковский, С.А. Иванов и др. М.: Наука, 1982.
6. Gusev V., Klooster T., Wagner-Nagy B. INEL Kamas Corpus / Version 2.0. Publication date 2023-12-31. (<http://hdl.handle.net/11022/0000-0007-FC25-4>). Archived at Universität Hamburg 2023 // The INEL corpora of indigenous Northern Eurasian languages. <https://hdl.handle.net/11022/0000-0007-F45A-1>.

¹ Исключение из этого правила представляет низовской диалект негидальского языка, где во втором десятке используется простая модель (см. примеры (9), (10)), а в третьем десятке — аблативная [11, с. 21–22]; эта уникальность специально отмечается в [52, с. 258–259].

7. Дульзон А.П. Кетский язык. Томск: Изд-во Томского университета, 1968.
8. Аврорин В.А. Грамматика нанайского языка. Т. I: Фонетическое введение и морфология именных частей речи. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959.
9. Озолия Л.В. Грамматика орокского языка. Новосибирск: Гео, 2013.
10. Кормушин И.В. Удыхейский язык. М.: Наука, 1998.
11. Цинциус В.И. Негидальский язык: Исследования и материалы. Л.: Наука, 1982.
12. Pakendorf B., Aralova N. Even and the Northern Tungusic languages // The Oxford guide to the Transeurasian languages / Ed. by M. Robbeets, A. Savelyev. Oxford: OUP, 2020. Pp. 288–304.
13. Василевич Г.М. Очерки диалектов эвенкийского (тунгусского) языка. Л.: Учпедгиз, 1948.
14. Булатова Н.Я. Говоры эвенков Амурской области. Л.: Наука, 1987.
15. Булатова Н.Я. Язык сахалинских эвенков. СПб., 1999.
16. Däbritz Chr.L., Gusev V., Stoynova N. INEL Evenki Corpus. Version 2.0. Publication date 2024-12-31. Archived at Universität Hamburg (<https://hdl.handle.net/11022/0000-0007-FE38-D>) // The INEL corpora of indigenous Northern Eurasian languages. (<https://hdl.handle.net/11022/0000-0007-F45A-1>).
17. Лебедев В.Д. Язык эвенов Якутии. Л.: Наука, 1978.
18. Ришес Л.Д., Цинциус В.И. Краткий очерк грамматики эвенского (ламутского) языка // Русско-эвенский словарь / Сост. В.И. Цинциус, Л.Д. Ришес. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1952. С. 693–777.
19. Курилова Л.Г. Категория количественности в языке тундренных юкагиров. Дис. ... канд. филол. наук. Якутск, 2024.
20. Khanina O., Shluinsky A. // The Uralic languages / Ed. by D. Abondolo, R.-L. Valijärvi / 2nd ed. London, New York: Routledge, 2023. Pp. 793–852.
21. Лебедев В.Д. Охотский диалект эвенского языка. Л.: Наука, 1982.
22. Maslova E. A grammar of Kolyma Yukaghir. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2003.
23. Maslova E. Tundra Yukaghir. München: LINCOM Europa, 2003.
24. Вернер Г.К. Коттский язык. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1990.
25. Munkácsi B., Kálmán B. Wogulisches Wörterbuch. Budapest: Akadémiai kiadó, 1986.
26. Nikolaeva I. Ostyak. München: LINCOM Europa, 1999.
27. Honti L. Die Grundzahlwörter der uralischen Sprachen. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1993.
28. Dunn M.J., PhD Thes, Australian National University, 1999.
29. Жукова А.Н. Язык паланских коряков. Л.: Наука, 1980.
30. Нагаяма Ю. Очерк грамматики алюторского языка. Осака, 2003.
31. Batchelor J. An Ainu-English-Japanese dictionary (Including a Grammar of the Ainu Language) / 2nd edition. Tokyo: Methodist Publishing House, 1905.
32. Bergsland K. Aleut grammar. Fairbanks: Alaska Native Language Center, 1997.
33. Насилов В.М. Язык орхоно-енисейских памятников. М.: Восточная литература, 1960.
34. Убрятова Е.И. Язык норильских долган. Новосибирск: Наука, 1985.
35. Большой словарь кетского языка (с переводами на русский, немецкий и английский языки) / Под общим руководством Е.Г. Которовой. Т. I–II. Мюнхен: LINCOM, 2015.
36. Кузнецова А.И., Хелимский Е.А., Грушкина Е.В. Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. Т. I. М.: МГУ, 1980.
37. Filchenko A. Aspects of the grammar of Eastern Khanty. Tomsk, 2007.
38. Steinitz W. Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache. Lfg. 1–15. Berlin: Akademie Verlag, 1966–1993.
39. Казакевич О.А., Будянская Е.М. Диалектологический словарь селькупского языка (северное наречие). Екатеринбург, 2010.

40. Sakhatyla.Ru (<https://sakhatyla.ru/>).
41. Pakendorf Br., Dejan M., Aralova N., Lavrillier A. Documentation of the dialectal and cultural diversity among Evens in Siberia. 2007–2012. The Language Archive (<https://Hdl.Handle.Net/1839/00-0000-0000-000F-2DFE-0>).
42. Терещенко Н.М. Материалы и исследования по языку ненцев. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956.
43. Sammallahti P. Material from Forest Nenets. Helsinki, 1974.
44. Хелимский Е.А. Об одном переходном северносамодийском диалекте // Е.А. Хелимский. Компаративистика. Уралистика. Лекции и статьи. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 50–55.
45. Главан А.А. Структурные типы неэлементарных количественных числительных в хантыйском языке // Вестник Югорского государственного университета. 2006. Вып. 2. С. 48–51.
46. Ромбандеева Е.И. Современный мансийский язык: лексика, фонетика, графика, орфография, морфология, словообразование. Тюмень: Формат, 2017.
47. Riese T. Vogul. München: LINCOM Europa, 2001.
48. Панфилов В.З. Грамматика нивхского языка. Ч. 1. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1962.
49. Бартольд В.В. Система счисления орхонских надписей в современном диалекте // Записки Восточного Отделения Императорского Русского Археологического Общества. Том семнадцатый. 1906. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1907. С. 0171–0173.
50. Тенишев Э.Р., Тодаева Б.Х. Язык жёлтых уйгуров. М.: Наука, 1966.
51. Miyaoka O. A Grammar of Central Alaskan Yupik (CAY). Berlin; Boston: de Gruyter Mouton, 2012.
52. Хасанова М.М., Певнов А.М. Мифы и сказки негидальцев. Осака: Osaka Gakuin University, 2003.

Numerals of Second Ten in Languages of Siberia

Valentin Yurievich Gusev — Candidate of Science (Philology), Senior Researcher at the Typology Sector of the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: valentin.gusev@iling-ran.ru

The article discusses models of formation of second ten numerals (11 to 19) in the languages of Siberia. The "simple" model, where numerals are formed by adding the number of units to "ten" ("ten one", "ten two", etc.), is characteristic of the languages of southern Siberia, and also penetrates to the north, east of the Yenisei and east of Yakutia. The second model, which includes a word like "surplus", is widespread in the northern part of Siberia, from its western to eastern borders. The remaining models are represented by few languages each: these are locative ("at ten one"), ablative ("from ten one"), comitative ("with ten one") and their combinations with the word "surplus", as well as constructions such as "second ten one" and "to twenty one". The latter model corresponds with the language of the ancient Orkhon-Yenisei monuments.

Keywords: languages of Siberia, numerals, areal linguistics

REFERENCES

1. Greenberg J. Generalizations about Numeral Systems // Universals of Human Language III: Word Structure, ed. by J. Greenberg et al. Stanford (CA), Stanford University Press. 1978. Pp. 249–295.
2. Comrie B. The Arithmetic of Natural Language: Toward a typology of numeral systems // Macrolinguistics. 2022. Vol. 10, № 1 (Serial № 16) Pp. 1–35. DOI: 10.26478/ja2022.10.16.1.

3. Grammatika buryatskogo yazyka: Fonetika i morfologiya. M.: Izd-vo vostochnoi literatury, 1962 (in Russian).
4. Baskakov N.A., Inkizhekova-Grekul A.I. Khakassko-russkii slovar'. S pril. ocherka «Khakasskii yazyk». M.: Gos. izd-vo inostr. i nats. slovarei, 1953 (in Russian).
5. Grammatika sovremennogo yakutskogo literaturnogo yazyka: Fonetika i morfologiya / L.N. Khari-tonov, N.D. D'yachkovskii, S.A., Ivanov i dr. M.: Nauka, 1982 (in Russian).
6. Gusev V., Klooster T., Wagner-Nagy B. INEL Kamas Corpus / Version 2.0. Publication date 2023-12-31. (<http://hdl.handle.net/11022/0000-0007-FC25-4>). Archived at Universität Hamburg 2023 // The INEL corpora of indigenous Northern Eurasian languages. <https://hdl.handle.net/11022/0000-0007-F45A-1>.
7. Dul'zon A.P. Ketskii yazyk. Tomsk: Izd-vo Tomskogo universiteta, 1968 (in Russian).
8. Avrorin V.A. Grammatika nanaiskogo yazyka. T. I: Foneticheskoe vvedenie i morfologiya imen-nykh chastei rechi. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1959 (in Russian).
9. Ozoliny L.V. Grammatika orokskogo yazyka. Novosibirsk: Geo, 2013 (in Russian).
10. Kormushin I.V. Udykheiskii yazyk. M.: Nauka, 1998 (in Russian).
11. Tsintsius V.I. Negidal'skii yazyk: Issledovaniya i materialy. L.: Nauka, 1982 (in Russian).
12. Pakendorf B., Aralova N. Even and the Northern Tungusic languages // The Oxford guide to the Transeurasian languages / Ed. by M. Robbeets, A. Savelyev. Oxford: OUP, 2020. Pp. 288–304.
13. Vasilevich G.M. Ocherki dialektov evenkiiskogo (tungusskogo) yazyka. L.: Uchpedgiz, 1948 (in Russian).
14. Bulatova N.Ya. Govory evenkov Amurskoi oblasti. L.: Nauka, 1987 (in Russian).
15. Bulatova N.Ya. Yazyk sakhalinskikh evenkov. SPb., 1999 (in Russian).
16. Däbritz Chr.L., Gusev V., Stoyanova N. INEL Evenki Corpus. Version 2.0. Publication date 2024-12-31. Archived at Universität Hamburg (<https://hdl.handle.net/11022/0000-0007-FE38-D>) // The INEL corpora of indigenous Northern Eurasian languages. (<https://hdl.handle.net/11022/0000-0007-F45A-1>).
17. Lebedev V.D. Yazyk evenov Yakutii. L.: Nauka, 1978 (in Russian).
18. Rishes L.D., Tsintsius V.I. Kratkii ocherk grammatiki evenskogo (lamutskogo) yazyka // Rus-sko-evenskii slovar' / Sost. V.I. Tsintsius, L.D. Rishes. M.: Gos. izd-vo inostr. i nats. slovarei, 1952. S. 693–777 (in Russian).
19. Kurilova L.G. Kategoriya kolichestvennosti v yazyke tundrennykh yukagirov. Dis. ... kand. filol. nauk. Yakutsk, 2024 (in Russian).
20. Khanina O., Shluinsky A. // The Uralic languages / Ed. by D. Abondolo, R.-L. Valijärvi / 2nd ed. London, New York: Routledge, 2023. Pp. 793–852.
21. Lebedev V.D. Okhotskii dialekt evenskogo yazyka. L.: Nauka, 1982 (in Russian).
22. Maslova E. A grammar of Kolyma Yukaghir. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2003.
23. Maslova E. Tundra Yukaghir. München: LINCOM Europa, 2003.
24. Verner G.K. Kottskii yazyk. Rostov-na-Donu: Izd-vo Rostovskogo un-ta, 1990 (in Russian).
25. Munkácsi B., Kálmán B. Wogulisches Wörterbuch. Budapest: Akadémiai kiadó, 1986.
26. Nikolaeva I. Ostyak. München: LINCOM Europa, 1999.
27. Honti L. Die Grundzahlwörter der uralischen Sprachen. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1993.
28. Dunn M.J., PhD Thes, Australian National University, 1999.
29. Zhukova A.N. Yazyk palanskikh koryakov. L.: Nauka, 1980 (in Russian).
30. Nagayama Yu. Ocherk grammatiki alyutorskogo yazyka. Osaka, 2003 (in Russian).
31. Batchelor J. An Ainu-English-Japanese dictionary (Including a Grammar of the Ainu Language) / 2nd edition. Tokyo: Methodist Publishing House, 1905.
32. Bergsland K. Aleut grammar. Fairbanks: Alaska Native Language Center, 1997.
33. Nasilov V.M. Yazyk orkhono-eniseiskikh pamyatnikov. M.: Vostochnaya literatura, 1960 (in Russian).
34. Ubryatova E.I. Yazyk noril'skikh dolgan. Novosibirsk: Nauka, 1985 (in Russian).

35. Bol'shoi slovar' ketskogo yazyka (s perevodami na russkii, nemetskii i angliiskii yazyki) / Pod obshchim rukovodstvom E.G. Kotorovoi. T. I–II. Myunkhen: LINCOM, 2015 (in Russian).
36. Kuznetsova A.I., Khelimskii E.A., Grushkina E.V. Ocherki po sel'kupskomu yazyku. Tazovskii dialekt. T. I. M.: MGU, 1980 (in Russian).
37. Filchenko A. Aspects of the grammar of Eastern Khanty. Tomsk, 2007.
38. Steinitz W. Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache. Lfg. 1–15. Berlin: Akademie Verlag, 1966–1993.
39. Kazakevich O.A., Budyanskaya E.M. Dialektologicheskii slovar' sel'kupskogo yazyka (severnoe narechie). Ekaterinburg, 2010 (in Russian).
40. SakhaTyla.Ru (<https://sakhatyla.ru/>).
41. Pakendorf Br., Dejan M., Aralova N., Lavrillier A. Documentation of the dialectal and cultural diversity among Evens in Siberia. 2007–2012. The Language Archive (<https://hdl.handle.net/1839/00-0000-0000F-2DFE-0>).
42. Tereshchenko N.M. Materialy i issledovaniya po yazyku nentsev. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1956 (in Russian).
43. Sammallahti P. Material from Forest Nenets. Helsinki, 1974.
44. Khelimskii E.A. Ob odnom perekhodnom severnosamodiiskom dialekte // E.A. Khelimskii. Komparativistika. Uralistika. Lektsii i stat'i. M.: Yazyki russkoi kul'tury, 2000. С. 50–55 (in Russian).
45. Glavan A.A. Strukturnye tipy neelementarnykh kolichestvennykh chislitel'nykh v khantyiskom yazyke // Vestnik Yugorskogo gosudarstvennogo universiteta. 2006. Vyp. 2. S. 48–51 (in Russian).
46. Rombandeeva E.I. Sovremennyi mansiiskii yazyk: leksika, fonetika, grafika, orfografiya, morfologiya, slovoobrazovanie. Tyumen': Format, 2017 (in Russian).
47. Riese T. Vogul. München: LINCOM Europa, 2001.
48. Panfilov V.Z. Grammatika nivkhsкого yazyka. Ch. 1. M.; L.: Izd. AN SSSR, 1962 (in Russian).
49. Bartol'd V.V. Sistema schisleniya orkhonskikh nadpisei v sovremenном dialekte // Zapiski Vostochnogo Otdeleniya Imperatorskogo Russkogo Arkheologicheskogo Obshchestva. Tom semnadtsatyi. 1906. SPb.: Tipografiya Imperatorskoi Akademii Nauk, 1907. S. 0171–0173 (in Russian).
50. Tenishev E.R., Todaeva B.Kh. Yazyk zhyoltykh uigurov. M.: Nauka, 1966 (in Russian).
51. Miyaoka O. A Grammar of Central Alaskan Yupik (CAY). Berlin; Boston: de Gruyter Mouton, 2012.
52. Khasanova M.M., Pevnov A.M. Mify i skazki negidal'tsev. Osaka: Osaka Gakuin University, 2003 (in Russian).